

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО Ю.Я. И Я.Я. против РОССИИ

(Жалоба №43229/18)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Статья 8 • Позитивные обязательства • Семейная жизнь • Непринятие властями всех разумных мер без неоправданной задержки в исполнение определения места жительства ребенка с матерью

СТРАСБУРГ

8 марта 2022 года

Данное постановление станет окончательным при обстоятельствах, изложенных в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Возможна редакционная правка.

В деле "Ю.Я. И Я.Я. против России"

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Палатой в следующем составе:

Жорж Раврани, *Председатель*,
Георгиос А. Сергидес,
Мария Эльосеги,
Аня Зайбер-Фор,
Пеэтер Роосма,
Фредерик Кренц,
Михаил Лобов, *судьи*,

и Милан Блашко, *Секретарь Секции*,

Принимая во внимание:

жалобу (№ 43229/18) против Российской Федерации, поданную в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданкой России Ю.Я. («первая заявительница»), от своего имени и от имени своего сына Я.Я. («второй заявитель»), также гражданина России, 3 сентября 2018 года;

решение уведомить Правительство Российской Федерации («Правительство») о жалобе в соответствии со статьей 8 Конвенции и признать неприемлемой остальную часть жалобы;

решение рассмотреть вышеуказанную жалобу в приоритетном порядке (правило 41 Регламента Суда);

решение о предоставлении заявителям анонимности (п. 4 правила 47 Регламента Суда);

замечания Правительства и ответные замечания заявителей;

комментарии, представленные отцом второго заявителя А.Я. с разрешения Председателя Секции;

Проведя закрытое заседание 18 января 2022 года,

Выносит следующее постановление, принятое в тот же день:

ВВЕДЕНИЕ

1. Настоящее дело касается длительного неисполнения решений национальных судов, определяющих место жительства второго заявителя с первой заявительницей. В связи с этим встает вопрос о соблюдении Статьи 8 Конвенции.

ФАКТЫ

2. Заявители родились в 1983 и 2011 годах, соответственно, и проживают в Санкт-Петербурге. Интересы заявителей в Суде представляли г-жа В. Коган и г-н Э. Весселинк из Stichting Russian Justice Initiative, неправительственной организации с офисом в Москве.

3. Правительство вначале представлял М. Гальперин – Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека, а затем его преемник на этом посту М. Виноградов.

4. Факты дела, как они представлены сторонами, можно кратко изложить следующим образом.

I. ПРЕДЫСТОРИЯ ДЕЛА

5. В 2005 году первая заявительница вышла замуж за А.Я. Супруги поселились в Санкт-Петербурге.

6. 16 марта 2011 года у первой заявительницы родился сын – второй заявитель.

7. В 2014 году брак между первой заявительницей и А.Я. был расторгнут. Второй заявитель остался с первой заявительницей.

II. СУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА ВТОРОГО ЗАЯВИТЕЛЯ

8. В 2015 году первая заявительница обратилась в Куйбышевский районный суд Санкт-Петербурга («районный суд») с исковым заявлением об определении места жительства Я.Я. и порядка общения с ним А.Я.

9. 22 октября 2015 года А.Я. забрал второго заявителя из детского сада и отказался вернуть его первой заявительнице. А.Я. подал иск об определении места жительства ребенка с ним.

А. Временное определение места жительства ребенка и последующее исполнительное производство

10. 14 января 2016 года районный суд определил место жительства ребенка с матерью (первой заявительницей) на период рассмотрения дела в суде при продолжении общения ребенка с отцом – А.Я.

11. 19 января 2016 года Межрайонный отдел судебных приставов по ИОИП г. Санкт-Петербурга возбудил исполнительное производство в отношении вышеуказанного временного определения места жительства ребенка.

12. 2 февраля 2016 года в рамках исполнительного производства был объявлен розыск второго заявителя.

13. 26 февраля и 26 апреля 2016 года А.Я. был дважды оштрафован на 2 000 рублей за лишение несовершеннолетнего права на общение с матерью.

14. 31 мая 2016 года А.Я. было направлено требование передать второго заявителя первой заявительнице.

15. В ходе розыскных мероприятий было установлено местонахождение второго заявителя. Он был зарегистрирован как проживающий с А.Я. в г. Шали Чеченской Республики.

16. 29 марта 2017 года исполнительное производство было передано в Шалинский межрайонный отдел судебных приставов УФССП РФ по ЧР.

17. 18 апреля 2017 года, после возобновления исполнительного производства, судебный пристав-исполнитель Шалинского межрайонного отдела судебных приставов направил запросы в различные регистрирующие органы и кредитные организации и запретил А.Я. выезжать за пределы Российской Федерации.

18. 15 августа 2017 года исполнительное производство было прекращено (см. ниже п. 20).

В. Окончательное определение места жительства ребенка и последующее исполнительное производство

19. 22 сентября 2016 года районный суд удовлетворил иск первой заявительницы и определил место жительства второго заявителя с ней, а также определил порядок общения А.Я. со вторым заявителем. В иске А.Я. об определении места жительства второго заявителя с ним было отказано.

20. 13 февраля 2017 года Санкт-Петербургский городской суд принял апелляционное определение, оставив без изменения вышеуказанное решение.

21. 4 апреля 2017 года районный суд отменил решение от 14 января 2016 года о временном определении места жительства ребенка.

22. 11 июля 2017 года судебный пристав-исполнитель Межрайонного отдела судебных приставов Санкт-Петербурга возбудил исполнительное производство в отношении определения от 22 сентября 2016 года.

23. 21 июля 2017 года пристав МОСП Санкт-Петербурга поручил приставу Шалинского МОСП применить меры принудительного исполнения в отношении судебного решения от 22 сентября 2016 года.

24. 26 июля 2017 года приставы Шалинского МОСП попытались исполнить решение суда от 22 сентября 2016 года, однако исполнение не состоялось из-за отсутствия первой заявительницы. Она сообщила телеграммой о том, что не успевает явиться на исполнительные действия (поскольку не была извещена о них заблаговременно).

25. 27 октября 2017 года было принято постановление о передаче исполнительного производства из МОСП Санкт-Петербурга в Шалинский МОСП.

26. 28 декабря 2017 года была предпринята еще одна попытка исполнения решения суда, но первая заявительница снова отсутствовала (поскольку находилась на допросе в Следственном комитете по Чеченской Республике в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении А.Ю. за отказ передать ребенка первой заявительнице).

27. 23 января 2018 г. была предпринята еще одна безуспешная попытка передать второго заявителя первой заявительнице. В акте совершения исполнительных действий было указано, что «ребенок отказался от тесного общения с матерью и не захотел остаться с ней наедине». В акте содержится рукописная отметка адвоката первой заявительницы о том, что пристав в присутствии отца спрашивал второго заявителя, желает ли он жить с первой заявительницей. В акте также содержится отметка заявительницы о том, что в

исполнительных действиях не участвовали органы опеки и попечительства и что, по словам второго заявителя, по месту проведения исполнительных действий он не проживает.

28. Узнав, что А.Я. и второй заявитель проживают в Московской области, 27 марта 2018 года первая заявительница отозвала исполнительный документ, и в тот же день исполнительное производство было прекращено.

29. 7 мая 2018 года по просьбе первой заявительницы было возбуждено исполнительное производство в УФССП России по Московской области.

30. 14 мая, 25 июня и 29 июня 2018 года судебным приставом назначались исполнительные действия совместно с сотрудниками отдела опеки и попечительства и психологом. Однако решение суда не было исполнено из-за эмоционального состояния второго заявителя и его отказа от общения с первой заявительницей.

31. Согласно заключению психолога от 15 мая 2018 года, второй заявитель был эмоционально привязан к А.Я., его второй жене и младшему сводному брату. Отношение второго заявителя к первой заявительнице носило амбивалентный характер. Первой заявительнице было рекомендовано обратиться за психологической помощью в восстановлении детско-родительских отношений и повторить исполнительные действия не ранее чем через месяц.

32. 8 августа 2018 года в ходе следующей попытки исполнения судебного решения первая заявительница забрала второго заявителя с собой против его воли.

33. 10 августа 2018 года исполнительное производство было окончено.

III. ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА ВТОРОГО ЗАЯВИТЕЛЯ

34. По исковому заявлению А.Я. решением от 7 февраля 2019 года Видновский городской суд Московской области определил место жительства второго заявителя с А.Я. и обязал первую заявительницу передать ему второго заявителя.

35. 26 августа 2019 года Московский областной суд («областной суд») оставил в силе решение от 7 февраля 2019 года, обжалованное в апелляционном порядке.

36. 18 марта 2020 года Первый кассационный суд общей юрисдикции отменил апелляционное определение от 26 августа 2019 года и направил дело в областной суд на новое рассмотрение. Как отметил кассационный суд, областным судом не был учтен тот факт, что второй заявитель не проживал с первой заявительницей по той лишь причине, что А.Я. отказывался исполнить решение районного суда от 22 сентября 2016 года. Кроме того, кассационный суд не усмотрел каких-либо новых обстоятельств, согласно которым в интересах второго заявителя было бы определить его место жительства с А.Я.

37. 10 июня 2020 года областной суд отменил решение от 7 февраля 2019 года и отказал в удовлетворении иска А.Я. об определении места жительства

второго заявителя. Суд отметил, что проживание второго заявителя с А.Я. в период с осени 2015 года по август 2018 года было вызвано неправомерными действиями А.Я., который лишил второго заявителя возможности общения с матерью. Суд пришел к выводу об отсутствии каких-либо исключительных обстоятельств, позволяющих разлучить заявителей.

IV. ИСК О КОМПЕНСАЦИИ

38. Между тем, 13 июня 2017 года первая заявительница подала иск к ФССП России о компенсации морального вреда в связи с бездействием приставов в отношении исполнения определения от 14 января 2016 года о проживании второго заявителя с матерью на время рассмотрения дела в суде.

39. 6 сентября 2017 года Мещанский районный суд г. Москвы удовлетворил иск первой заявительницы, признав незаконным бездействие приставов в период с января 2016 года по июль 2017 года, и присудил первой заявительнице компенсацию морального вреда в размере 50 000 рублей¹.

40. 4 мая 2018 г. Московский городской суд вынес апелляционное определение, оставив указанное решение без изменения.

СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

41. См. соответствующие положения внутригосударственного законодательства в постановлении по делу *Pakhomova v. Russia* (no. 22935/11, §§ 91-112, 24 October 2013).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

42. Первая заявительница жаловалась от своего имени и от имени второго заявителя на неисполнение национальными властями их позитивных обязательств согласно Статье 8 Конвенции, поскольку власти не обеспечили незамедлительное и эффективное исполнение решений национальных судов об определении места жительства второго заявителя с ней. Статья 8 Конвенции гласит:

“1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц”.

---

¹Приблизительно 650 евро по обменному курсу на тот момент.

А. Приемлемость

43. Государство не оспаривало право первой заявительницы на подачу жалобы от имени ее несовершеннолетнего сына. Учитывая, что в делах, возникающих в результате споров между родителями, защита интересов ребенка возлагается на родителя, имеющего право на опеку, и что национальные суды определили место жительства второго заявителя с первой заявительницей, тем самым подтвердив, что она действовала в его интересах (см. выше пункты 10, 19-20 и 37), Суд считает, что она имеет право действовать от имени своего сына (см. *Hromadka and Hromadkova v. Russia*, по. 22909/10, § 119, 11 December 2014, с дальнейшими ссылками).

44. Суд отмечает, что жалоба не является ни явно необоснованной, ни неприемлемой по каким-либо другим основаниям, указанным в Статье 35 Конвенции. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

(а) Заявители

45. Заявители утверждали, что предварительное судебное решение от 14 января 2016 года и решение от 22 сентября 2016 года оставались неисполненными более двух с половиной лет. По мнению заявителей, предпринятые судебными приставами исполнительные действия носили бессистемный характер, были явно неэффективны и затянуты и не принесли результата. Тем временем разрушалась эмоциональная связь между заявителями, что причиняло им душевную боль и страдания.

(b) Правительство

46. Правительство утверждало, что длительное неисполнение предварительного определения места жительства ребенка от 14 января 2016 года и решения от 22 сентября 2016 года было обусловлено неоднократной переменой места жительства второго заявителя по инициативе его отца А.Я., а также психологическим состоянием ребенка и его нежеланием проживать совместно с первой заявительницей, выраженное в ходе исполнительных действий. По мнению правительства, национальные власти приняли все необходимые меры для обеспечения исполнения указанных судебных решений, и поэтому нарушения Статьи 8 Конвенции не было.

(с) Третья сторона, участвующая в деле

47. А.Я. представил ряд документов, относящихся к судебному разбирательству с участием его и первой заявительницы. В той мере, в какой они имели отношение к рассмотрению существенных аспектов настоящего дела, содержание этих материалов отражено в кратком изложении фактов.

2. Оценка, данная Судом

48. Общие принципы данной Судом оценки кратко изложены в деле *Gubasheva and Ferzauli v. Russia* (no. 38433/17, §§ 43-44, 5 May 2020).

49. Суд отмечает, что 14 января 2016 года Куйбышевский районный суд Санкт-Петербурга определил, что до вступления в законную силу окончательного решения суда по делу об определении места жительства ребенка второй заявитель, которому тогда было четыре года и десять месяцев, должен проживать с матерью – первой заявительницей (см. выше п.10). Далее Суд отмечает, что решением от 22 сентября 2016 года, вступившим в законную силу 13 февраля 2017 года, районный суд определил место жительства первого заявителя со второй заявительницей (см. выше пункты 19 и 20). Однако заявители воссоединились только 8 августа 2018 года, то есть два с половиной года спустя. Таким образом, необходимо установить, были ли приняты национальными властями все необходимые меры, которых на разумных основаниях можно было бы ожидать при данных обстоятельствах, для обеспечения исполнения указанных выше решений.

50. Суд отмечает, что 6 сентября 2017 года Мещанский районный суд Москвы по иску первой заявительницы признал незаконным бездействие приставов в период с января 2016 года по июль 2017 года и присудил ей компенсацию морального вреда, эквивалентную 650 евро (см. выше п. 39).

51. Суд считает, что хотя национальный суд прямо признал нарушение права первой заявительницы на уважение ее семейной жизни в период с января 2016 года по июль 2017 года и присудил ей компенсацию морального вреда, заявительница по-прежнему находилась в статусе жертвы нарушения прав, поскольку исполнение судебного решения не было обеспечено и заявители по-прежнему были разлучены (см. *mutatis mutandis*, *Kuppinger v. Germany*, no. 62198/11, § 137, 15 January 2015; а также *Mijušković v. Montenegro*, no. 49337/07, § 72, 21 September 2010 – аргументация в контексте Статьи 35 п. 1 в деле о нарушении права на семейную жизнь; см. также *Milovanović v. Serbia*, no. 56065/10, § 98, 8 October 2019; и *Mansour v. Slovakia*, no. 60399/15, §§ 42-43, 21 November 2017).

52. В отношении последующего периода с июля 2017 года по август 2018 года Суд отмечает, что с 26 июля по 28 декабря 2017 года были предприняты лишь две попытки воссоединения заявителей, обе из которых оказались безуспешными из-за организационных недочетов: во-первых, отсутствия своевременного уведомления первой заявительницы и, во-вторых, несогласования мер исполнительного производства с действиями других компетентных органов (см. выше пункты 24 и 26). Хотя в ходе последующей попытки исполнения судебного решения 23 января 2018 года стало ясно, что возникнут сложности в связи с эмоциональным состоянием ребенка и его длительной разлукой с матерью (см. выше п. 27), судебные приставы не приняли никаких мер подготовки к последующим попыткам исполнительных действий, предпринятым через короткие промежутки времени в мае-июне и августе 2018 года (см. выше пункты 30 и 32). Суд отмечает участие в некоторых исполнительных действиях сотрудников отдела опеки и

попечительства и психолога. Однако учитывая, что с течением времени могут наступить непоправимые последствия для отношений между ребенком и родителем, Суд считает, что предпринятые судебными приставами исполнительные действия в данном случае были недостаточными для обеспечения быстрого исполнения судебного решения.

53. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд приходит к выводу, что российские власти не предприняли без неоправданной задержки всех мер, которых можно было бы ожидать на разумных основаниях, для обеспечения исполнения предварительного решения от 14 января 2016 года об определении места жительства ребенка на период рассмотрения дела и решения суда от 22 сентября 2016 года, нарушив тем самым право на уважение семейной жизни заявителей, гарантированное Статьей 8.

54. Таким образом, имеет место нарушение Статьи 8 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

55. Статья 41 Конвенции гласит:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

A. Компенсация вреда

56. Заявители потребовали компенсацию морального вреда в том размере, который определит Суд.

57. Правительство утверждало, что данное требование должно быть отклонено, поскольку заявители не указали точную сумму запрашиваемой компенсации. В любом случае первая заявительница уже получила компенсацию за неисполнение предварительного определения места жительства ребенка.

58. Суд устраивает то, как заявители сформулировали свое требование. Суд во многих случаях уже удовлетворял сформулированные таким образом требования (см. из последних по времени постановлений *Strand Lobben and Others v. Norway* [GC], no. 37283/13, § 230, 10 September 2019, и *Gubasheva and Ferzauli*, упомянутое выше, § 64).

59. В свете обстоятельств дела и с учетом того факта, что заявительнице была присуждена некоторая сумма компенсации на национальном уровне (см. *Mansour*, упомянутое выше, § 75), Суд на справедливой основе в соответствии с требованиями Статьи 41 присуждает первой заявительнице 3300 евро по данному основанию. Что касается второго заявителя, Суд считает, что само по себе установление нарушения обеспечивает справедливую компенсацию морального вреда, причиненного ему в результате нарушения его прав, предусмотренных Статьей 8 (см. *Gubasheva and Ferzauli*, упомянутое выше, § 61, с дополнительными ссылками).

В. Расходы и издержки

60. Первая заявительница также запросила компенсацию расходов и издержек в размере 17 085,36 евро в следующей детализации:

(i) 10 435,47 евро в счет возмещения расходов на поездки, нотариальных услуг, юридических услуг, услуг частного детектива, курьерских услуг и в счет оплаты услуг экспертов в связи с участием в исполнительном производстве на национальном уровне, а также

(ii) 6 649,89 евро на оплату расходов по ведению дела в Суде и связанных с этим административных расходов.

61. Правительство утверждало, что требование по пункту (i) необоснованно. В отношении требования по пункту (ii) оно указало, что эти расходы не были фактически понесены. В частности, согласно договору между первой заявительницей и ее представителями об оказании юридических услуг, названная сумма подлежит уплате только в случае успешного исхода разбирательства в Суде, и поэтому требования по данному договору не имеют исковой силы в России.

62. Суд отмечает общий принцип, согласно которому расходы возмещаются, если доказано, что они были необходимы и разумны. Кроме того, Суд отмечает, что ранее во многих случаях принимал к возмещению расходы на основании договоров, согласно которым оплата услуг была обусловлена успешным исходом разбирательства (см. *Muruzheva v. Russia*, no. 62526/15, §§ 65-66, 15 May 2018; *A.B.V. v. Russia*, no. 56987/15, §§ 88-91, 2 October 2018; и *Gubasheva and Ferzauli*, упомянутое выше, §§ 66-67). Поэтому Суд присуждает первой заявительнице 4 000 евро в качестве компенсации расходов по всем статьям, плюс любые подлежащие уплате налоги, причем 2 000 евро из этой суммы должны быть перечислены непосредственно на банковский счет Stichting Justice Initiative.

С. Проценты за просрочку

63. Суд считает, что сумма процентов за просрочку должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД

1. *Объявляет* жалобу в соответствии со Статьей 8 Конвенции приемлемой в отношении первой заявительницы единогласно и объявляет ту же жалобу приемлемой в отношении второго заявителя большинством голосов;
2. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение Статьи 8 Конвенции в отношении обоих заявителей;
3. *Постановляет* единогласно,

Ю.Я. И Я.Я. ПРОТИВ РОССИИ. ПОСТАНОВЛЕНИЕ СУДА

- (a) что государство-ответчик должно выплатить первой заявительнице в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы, с конвертацией в валюту государства-ответчика по курсу на дату выплаты:
- (i) (i) 3 300 (три тысячи триста евро) плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы, в качестве компенсации морального вреда;
  - (ii) 4 000 евро (четыре тысячи евро) плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы первой заявительницей, в счет возмещения расходов и издержек, из которых 2 000 евро (две тысячи евро) должны быть перечислены на банковский счет Stichting Justice Initiative;
- (b) что со дня истечения трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;
4. *Постановляет* единогласно, что само по себе установление нарушения является справедливой компенсацией морального вреда, причиненного второму заявителю.
5. *Отклоняет* единогласно оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 8 марта 2022 года, в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Милан Блашко
Секретарь

Жорж Раварани
Председатель Секции

В соответствии со Статьей 45 § 2 Конвенции и Правилom 74 § 2 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие особые мнения:

- (a) совпадающее мнение судьи Элосеги;
- (b) частично особое мнение судьи Зайберт-Фор.

Ж.Р.
М.Б.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЭЛОСЕГИ

1. Я согласна с выводом о нарушении статьи 8 Конвенции в настоящем деле. Данное совпадающее мнение имеет целью более глубокое рассмотрение вопроса о *locus standi* (полномочиях) матери (Ю.Я) представлять интересы своего ребенка (Я.Я.) в данном деле.

2. Как я утверждала ранее в своем совпадающем мнении по делу *A.M. and Others. v. Russia* (совпадающее мнение судьи Элосеги и совместное совпадающее мнение судей Раварани и Элосеги, *A.M. and Others v. Russia*, no. 47220/19, 6 July 2021)¹, в ситуации гражданского спора на внутригосударственном уровне по семейным делам с участием нескольких сторон Европейский суд по правам человека сталкивается с рядом трудностей при анализе вопроса о *locus standi*, когда один из родителей хочет действовать от имени несовершеннолетнего в отношении предполагаемого нарушения Статьи 8 ЕКПЧ.

3. В настоящем деле мать жаловалась от своего имени и от имени своего ребенка на неисполнение национальными властями их позитивных обязательств в рамках Статьи 8 Конвенции, поскольку власти не обеспечили незамедлительное и эффективное исполнение определений национальных судов о том, что ее ребенок, на тот момент несовершеннолетний, должен жить с матерью. В прецедентном праве суда одним из критериев при установлении полномочий родителей представлять интересы ребенка в Суде является то, что родитель, имеющий право на опеку, имеет и необходимый *locus standi* для действий от имени ребенка. В настоящем деле после расторжения брака между родителями в 2014 году ребенок остался на попечении матери, являющейся его законным представителем (см. п. 7). Ранее Суд обоснованно установил, что родитель, имеющий право на опеку и уполномоченный защищать интересы ребенка, действует в интересах ребенка (см. п. 43 и см. *Sahin v. Germany*, no. 30943/96, 11 October 2001; *Moog v. Germany*, nos. 23280/08 и 2334/10, §§ 39-42, 6 October 2016; и *K.V. and Others v. Croatia*, no. 36216/13, §§ 109-110, 14 March 2017). Кроме того, мать получила судебное определение о проживании ребенка с ней. Правительство Российской Федерации также не оспаривало *locus standi* матери (см. п. 44). Иной была ситуация в деле против Хорватии, где Правительство с самого начала выразило озабоченность по поводу того, что интересы заявителя в Суде представляла его мать, поскольку усмотрело в этом конфликт

---

¹ См. также Georges Ravarani, “Third parties. Poor Relations in Proceedings before the European Court of Human Rights”. Commemorative Book for the retirement of Prof. D. Hauser, former President of the Polish Supreme Administrative Court.

интересов (*C v. Croatia*, no. 80117/17, § 54, 8 October 2020). Суд не принял это возражение Правительства, отметив, что заявитель на момент подачи жалобы был несовершеннолетним, а мать была временно назначена его опекуном (см. § 56) и действовала в интересах ребенка.

4. Кроме того, возвращаясь к настоящему делу, отцу было разрешено выступить в Суде в качестве третьей стороны, представить свои соображения, доказательства, документы и точку зрения, а также оспорить доводы матери в ходе разбирательства в Суде. Решение дать возможность отцу ребенка участвовать в судебном разбирательстве в качестве третьей стороны было принято по просьбе последнего заместителем Председателя Секции в соответствии со Статьей 36 § 2 Конвенции и правилом 44 § 3 Регламента Суда. У нас в Третьей секции уже было аналогичное дело, а именно *Y.S. and O.S. v. Russia*, no. 17665/17, 15 June 2021, о похищении ребенка матерью, которая увезла дочь из Украины в Россию. Отец, назначенный опекуном ребенка, был приглашен для участия в процессе и представил свои замечания в качестве третьего лица. В том деле похитившая ребенка мать была заявительницей в Суде и, несмотря на отсутствие у нее права на опеку, действовала от имени ребенка, проживавшего с ней в России.

5. В настоящем деле Суд разрешил отцу выступить в качестве третьей стороны, хотя он не был законным опекуном ребенка, которого похитил (забрал) из детского сада и отказался вернуть матери (см. п. 9). Его обращения в российские суды об определении места жительства ребенка с ним не увенчались успехом: суды решили, что ребенок должен проживать с матерью. В целом, по моему мнению, отец был надлежащим образом заслушан в ходе разбирательств не только в национальных судах, но и в Суде. Кроме того, трудно установить общее правило в отношении присутствия в Суде родителя, не являющегося заявителем. Тем не менее, Суд, действуя через председателей или вице-председателей секций, имеет возможность заслушать эти стороны, если они того пожелают, без необходимости давать им официальный (*ex officio*)² статус. Довольно сложно

---

² Я приведу здесь замечание Судьи Пастора относительно целесообразности заслушивания таких сторон в Суде, хотя я не поддерживаю идею называть это официальным (*ex officio*) заслушиванием мнений заинтересованных сторон. См. Pere Pastor Vilanova, “Third Parties Involved in International Litigation Proceedings. What are the Challenges for the ECHR?”, in P. Pinto de Albuquerque and K. Wojtyczek (ed.), *Judicial Power in a Globalized World. Liber Amicorum Vincent De Gaetano*, Springer, Cham, 2019, pp. 381-93. На испанском языке: Pere Pastor, “Las terceras partes involucradas en procedimientos contenciosos internacionales. ¿Cuáles son los retos para el TEDH?”, in María Elósegui, M. Carmen Morte, Ana María Mengual y Guillermo Cano (Coords), *Construyendo los derechos humanos en Estrasburgo: El Tribunal Europeo de Derechos Humanos y el Consejo de Europa. La organización internacional explicada por*

установить однозначное общее правило в этой сфере, и до сих пор Суд по-разному решал эту проблему в зависимости от специфических конкретных обстоятельств того или иного дела (по вопросу о различных мнениях судей в Суде я ссылаюсь на мои высказанные ранее замечания к совпадающему мнению в деле *A.M. and Others v. Russia*, упомянутому выше, §§ 8-9).

6. Второй вопрос в данном деле касается эмоционального настроения и поведения ребенка. В течение двух лет судебные приставы не могли найти отца и вернуть ребенка матери. В итоге мать сама нашла ребенка и забрала его с собой. Отец забрал ребенка 22 октября 2015 года, и лишь два с половиной года спустя, 8 августа 2018 года, мать и ребенок воссоединились. Учитывая, что ребенок родился 16 марта 2011 года, ему на момент похищения отцом было всего три года и девять месяцев. Вполне нормально, что он привязался к отцу, его второй жене и младшему сводному брату (см. п. 31). Более того, отец незаконно препятствовал общению между ребенком и его матерью (см. п. 37). Однако я сама и большинство Судей придерживаемся в данном деле мнения, что такая ситуация не является основанием отказать матери в праве действовать от имени ребенка в Суде или настаивать на назначении иного законного представителя, нежели мать. Мать ребенка всегда действовала в соответствии с законом и обладает полным правом опеки над ребенком. Нельзя наказывать ее гипотетическим лишением права выступать законным представителем ребенка. Кроме того, в рассматриваемом деле, как и во многих рассмотренных Судом российских делах, касающихся матерей, областной отдел судебных приставов почти ничего не сделал для исполнения судебного решения (см. п. 30). Это позволяет сделать два вывода. Во-первых, это не тот случай, когда ребенка следует заслушивать в Суде напрямую при посредстве иного законного представителя, нежели мать. По сути, матерью полностью соблюдены права ребенка, и мать все время действовала в соответствии с законом. Нет никакой объективной необходимости назначать ребенку отдельного представителя. Тем более что, во-вторых, международному суду крайне сложно и даже невозможно напрямую заслушать ребенка, которому на момент подачи жалобы 3 сентября 2018 года было всего семь лет.

7. Прецедентная практика Суда охватывает широкий спектр ситуаций, касающихся как споров между родителями (в которых только родитель, имеющий законное право опеки, может выступать от имени ребенка), так и споров между одним или обоими родителями и Государством (в этом случае достаточно биологической связи

---

sus funcionarios españoles con ocasión del 60 aniversario del TEDH y 70 del COE, Tirant lo Blanc, Valencia, 2020. ISBN 978-84-13-55399-3.

родителя с ребенком) (см. *Sahin*, упомянутое выше, и *Moog*, упомянутое выше).

8. Однако, если один из родителей подозревается в совершении предполагаемых нарушений Статей 2, 3 и 8 в отношении ребенка, Суд может рассмотреть возможность того, что этот родитель не является подходящим лицом для представления интересов ребенка в Суде (см. *Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania* [GC], no. 47848/08, § 103, ECHR 2014).

9. В прецедентной практике Суда есть несколько дел, касающихся воспитания детей и инициированных по разным причинам лицами, не являющимися законными опекунами этих детей. К примеру – теткой детей, не имеющей в отношении них родительских прав (см. *N.Ts. and Others v. Georgia*, no. 71776/12, §§ 52-59, 2 February 2016); биологической матерью после усыновления ребенка (см. *A.K. and L. v. Croatia*, no. 37956/11, §§ 46-50, 8 January 2013); матерями, которых государство лишило родительских прав, а Суд признал заявителями от имени их детей, помещенных в государственное учреждение (см. *Scozzari and Giunta v. Italy* [GC], nos. 39221/98 и 41963/98, § 138, ECHR 2000-VIII, и *Diamante and Pelliccioni v. San Marino*, no. 32250/08, § 146, 27 September 2011). Из последних по времени – дело, в котором биологической матери было разрешено действовать от своего имени и от имени биологического сына, отданного на усыновление в возрасте одного месяца (см. *Strand Lobben and Others v. Norway* [GC], no. 37283/13, 10 September 2019).

10. Есть и ситуации иного рода, в которых от имени ребенка выступает *ad litem* представитель, назначенный Государством по просьбе Суда, либо уже действующий в интересах ребенка на внутригосударственном уровне адвокат. Некоторые примеры: *S.P., D.P., and A.T. v. the United Kingdom*, no. 23715/94, решение Комиссии от 20 мая 1996 года, где адвокат, подавший жалобу от имени детей, уже представлял их интересы в судебном разбирательстве на национальном уровне и был назначен опекуном *ad litem* для целей разбирательства в Суде. Когда дело было передано в Суд, Комиссия рассмотрела вопрос о наличии более подходящих представителей, а также характер связи между адвокатом и детьми, предмет и основание поданной от их имени жалобы и присутствие конфликта интересов в свете предполагаемого эмоционального насилия матери. В другом деле, недавно рассмотренном Третьей секцией с моим участием, жалоба ребенка-заявителя была подана опекуном, назначенным в ходе разбирательства в национальном суде, поскольку ребенок родился в США от суррогатной матери и не имел родителя, полномочного по закону его представлять (см. *Valdís Fjölnisdóttir and Others v. Iceland*, no. 71552/17, § 2, 18 May 2021).

Ю.Я. и Я.Я. ПРОТИВ РОССИИ - ОСОБЫЕ МНЕНИЯ

11. После такого обзора прецедентного права по вопросу представления интересов ребенка я делаю вывод, что мать была именно тем лицом, которое имело право выступать от имени ребенка в Суде с учетом конкретных обстоятельств дела.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЗАЙБЕРТ-ФОР

1. Я согласна с выводами большинства относительно первой заявительницы, но не могу согласиться с допущением о том, что первая заявительница имела *locus standi* для подачи жалобы от имени второго заявителя. Делать такой вывод лишь на основании того, что первая заявительница обладала правом опеки над ребенком (см. п. 43), в ситуации, имеющий явные признаки потенциального конфликта интересов, довольно опрометчиво и потому не соответствует интересам ребенка.

2. Во всех решениях, касающихся детей, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка. Этот принцип признан на общемировом уровне (см. Конвенцию ООН о правах ребенка, принятую в Нью-Йорке 20 ноября 1989 года) и защищен Европейской конвенцией (см. *Vavřička and Others v. the Czech Republic* [GC], nos. 47621/13 and 5 others, §287, 8 April 2021; *Advisory opinion concerning the recognition in domestic law of a legal parent-child relationship between a child born through a gestational surrogacy arrangement abroad and the intended mother* [Экспертное заключение относительно признания в национальном праве правоотношений между ребенком, рожденным в другом государстве в результате договоренности о гестационном суррогатном материнстве, и предполагаемой матерью] [GC], запрос № P16-2018-001, Кассационный суд Франции, § 38, 10 April 2019, с дальнейшими ссылками; и *Neulinger and Shuruk v. Switzerland* [GC], no. [41615/07](#), § 135, ECHR 2010). Согласно Статье 3 Конвенции о правах ребенка, во всех действиях в отношении детей первоочередное внимание должно уделяться наилучшему обеспечению интересов ребенка (см. также Замечание общего порядка № 14 (2013) Комитета по правам ребенка о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (п. 1 Статьи 3), 29 мая 2013 года). Это тем более относится к разбирательствам в Суде по делам, касающимся Статьи 8, где возможные конфликты интересов тесно переплетаются с вопросами права на уважение семейной жизни и где интересы ребенка могут расходиться с интересами родителя.

3. В настоящем деле первая заявительница забрала ребенка с собой против его воли 8 августа 2018 года (см. п. 32). Вскоре после этого, 3 сентября 2018 года, она подала от его имени жалобу о неисполнении судебного решения о возвращении ребенка матери. Принимая во внимание то, что неисполнение по крайней мере частично было связано с неоднократным отказом второго заявителя вернуться к первой заявительнице (см. пункты 27, 30 и 31), довольно опрометчиво

предполагать, что первая заявительницы действовала в интересах сына, подавая жалобу не только от своего, но и от его имени.

4. Большинство выдвигает аргумент о том, что национальные суды определили место проживания второго заявителя с первой заявительницей и тем самым подтвердили, что она действует в его интересах. Однако здесь упущен из виду факт, что определение было принято 22 сентября 2016 года, то есть за два года до того, как первая заявительница подала жалобу в Суд. Тем временем второй заявитель оставался со своим отцом, с которым проживал с осени 2015 года по август 2018 года. Согласно заключению психолога от 15 мая 2018 года, второй заявитель был эмоционально привязан к отцу, его второй жене и младшему сводному брату (п. 31). В этой ситуации и без каких-либо дополнительных указаний на интересы ребенка нельзя просто сделать вывод из определения, принятого двумя годами ранее, что подача жалобы на неисполнение определения отвечала интересам ребенка. Последующее судебное разбирательство также не содержит достаточных указаний на интересы второго заявителя. Решения Первого кассационного суда общей юрисдикции и областного суда в 2020 году, оставившие в силе решение об определении места жительства второго заявителя с первой заявительницей, во многом были основаны на поведении А.Ю. Этого недостаточно для вывода Суда о том, что заявительница, подавая жалобу от имени второго заявителя, действовала в его интересах.

5. Согласно Статье 12 Конвенции о правах ребенка, каждому ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, должно быть обеспечено право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим этого ребенка, причем взглядам ребенка должно уделяться должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка (Статья 12 п.1). С этой целью ребенку, в частности, предоставляется возможность быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка (Статья 12 п. 2). Поэтому Суду не следует без должного рассмотрения допускать, что у родителя имеется *locus standi* выступать от имени ребенка в случаях потенциального конфликта интересов. Это тем более актуально, когда есть риск использования ребенка как орудия в конфликте между родителями по поводу опеки.

6. Поэтому право родителя на опеку не должно иметь решающего значения при принятии решения. Цель национальных норм, регулирующих право выступать в интересах ребенка (*locus standi*), иногда могут быть аналогичны целям Статьи 34, однако в деле *A.K. and L. v. Croatia* Суд признал, что условия подачи индивидуальных жалоб в соответствии с Конвенцией не всегда совпадают с национальными критериями относительно *locus standi* (*A.K. and L. v. Croatia*, no. 37956/11, § 46, 8 January 2013). Таким образом,

определяющим при рассмотрении жалоб в соответствии с Конвенцией является вопрос о том, можно ли считать, что подающий жалобу от имени ребенка родитель адекватно представляет интересы ребенка в Суде.

7. Несколько судей Суда уже поднимали этот вопрос, хотя пока безуспешно (см., например, совместное особое мнение судей Коскело и Нордена в деле *Strand Lobben and Others v. Norway* [GC], no. 37283/13, 10 September 2019, и частично особое, частично совпадающее мнение судьи Нуссбергер по делу *Raw and Others v. France*, no. 10131/11, 7 March 2013). В своем совпадающем мнении по делу *X, Y and Z v. the United Kingdom* судья Петтити указывал на конфликт интересов между родителями и детьми (no. [21830/93](#), 22 April 1997, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-II). По его мнению, было бы желательно, чтобы Суд предлагал сторонам поручить адвокату отдельно представлять интересы ребенка.

8. Позднее, в деле *Kruškić v. Croatia*, Суд признал, что в случаях, когда заявитель подает жалобу от имени своего ребенка, между родителем и ребенком может существовать конфликт интересов, который имеет значение для решения вопроса о приемлемости жалобы, поданной от имени другого лица (см., например, *Kruškić v. Croatia* (dec.), no. [10140/13](#), §§ 101-02, 25 November 2014). В постановлении по делу *Strand Lobben v. Norway* Большая палата признала, что такой конфликт интересов может возникать, хотя и не усмотрела его в обстоятельствах конкретного дела (*Strand Lobben and Others v. Norway* [GC], no. 37283/13, § 159, 10 September 2019). Однако в настоящем деле нежелание второго заявителя возвращаться к первой заявительнице ясно указывало на потенциальный конфликт.

9. Тот факт, что Правительство не оспаривало полномочия заявительницы, не имеет решающего значения (ср. *A.M. and Others v. Russia*, no. 47220/19, § 42-43, 6 July 2021). Конфликты интересов требуют рассмотрения в свете наилучших интересов ребенка, независимо от того, возражает ли против этого Государство-ответчик.

10. Неубедителен в настоящем деле и аргумент о том, что непризнание родительского *locus standi* в случае потенциального конфликта интересов ставит под угрозу защиту детей. Опасность того, что интересы ребенка не будут доведены до сведения Суда, побуждала Суд признавать *locus standi* в делах о мерах государственной опеки, когда государство как обладатель опекунских прав не могло считаться обеспечивающим права ребенка в соответствии с Конвенцией, однако настоящее дело имеет существенное отличие, поскольку касается конфликта родительских прав. Ситуация была доведена до сведения Суда матерью ребенка, а отец участвовал в разбирательстве в качестве третьей стороны. Учитывая естественный интерес детей к сохранению хороших отношений с обоими родителями, а также принимая во

внимание возражения второго заявителя против возвращения к матери, я сомневаюсь, что втягивание ребенка в юридический спор такого рода служит его интересам.

11. Более того, я сомневаюсь, что в подобных случаях, если Суд выносит решение на основании доводов, представленных родителем с правами опеки, пусть даже при участии второго родителя в качестве третьей стороны, это служит защите законных интересов ребенка. Что именно является предметом защиты семейной жизни в соответствии со Статьей 8 зависит главным образом от индивидуального выбора и предпочтений. То, что ребенок считает предметом своей семейной жизни, не обязательно совпадает со взглядами родителя-опекуна. Утверждать, что жалоба второго заявителя удовлетворена – значит закрывать глаза на выраженное ребенком мнение без обоснованного рассмотрения вопроса о том, что следует считать наилучшими интересами ребенка. Следовательно, если ребенок возражает против возвращения к одному из родителей, нельзя автоматически допускать, что права ребенка будут лучше соблюдены, если родитель, к которому ребенок не хочет возвращаться, обратится в Суд с жалобой на то, что ребенок не был против своей воли возвращен ранее.

12. В заключение, не формулируя общих презумпций относительно наилучших интересов второго заявителя, важно признать, что в некоторых случаях в интересах ребенка – не быть вовлеченным в качестве заявителя в юридический спор, который, по сути, происходит между родителями. Я сомневаюсь, что удовлетворительным ответом на изложенные выше опасения может быть принятие простого процедурного правила, требующего отдельного представительства для ребенка без учета того, насколько интересам ребенка отвечает сама подача жалобы. Суду следует тщательно изучать каждую жалобу, имеющую признаки потенциального конфликта интересов, на предмет того, действительно ли предоставление родителю статуса *locus standi* в жалобе, поданной в интересах самого родителя, отвечает также и интересам ребенка. Право опеки в этом случае не является достаточным основанием.